



Михаил Зуев

ЗЕЛЕНАЯ ЗОНА

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

Толя Гущин.
 Прохор Пасечник.
 Паня — его жена.
 Володя — их сын.
 Максим Корнеев.
 Клава Горохова — его жена.
 Борис — ее сын.
 Нина Дмитриевна Носкова.

Владислав Павлович — очередной
 сожитель Нины Дмитриевны.
 Валя Лебедева по прозвищу Лебедина.
 Николай — ее муж.
 Шура Салова.
 Лида — ее внучка.
 Тема.

*Действие происходит в подмосковном поселке,
 в середине пятидесятих годов.*

Действие первое

Сцена первая

Комната Пасечников. Вечер. Начало сцены происходит за занавеской, которой перегорожена комната. Слышны только голоса.

Паня. Ну Прош! Ну ты что, с ума сошел?
 Ну Прош.

Прохор. Ну ладно, Пань, ну чего ты как маленькая.

Паня. Ты что с ума сошел, до ночи потерпеть не можешь? Сейчас Володька войдет.

Прохор. Да не войдет твой Володька, я дверь закрыл.

Паня. Совсем рехнулся, старый. Володь-

ка торкнется в дверь, а она заперта. Что он о нас подумает, ведь он знает, что мы оба дома.

Прохор. Да не бойсь, он у Тольки Гущина лясы точит.

Паня. Нет, Прош, я так не могу, это не удовольствие, а одна нервотрепка. Иди дверь открой.

Прохор. Иди сама и открывай. Холуя нашла.

Паня. Не сердись, Прош, он ведь взрослый совсем. Он и ночью, мне кажется, не спит, прислушивается.

Прохор. Ну уж ночью — извини-подвинься. Пусть прислушивается, не маленький.

Паня. Вон скоро тепло станет, Володька в сарае спать будет.

Прохор. До тепла еще месяц, Пань, а мы сейчас быстренько управимся. Раз-два, и готово. А, Пань? Ну не жидись. Сегодня суббота, я после бани. А, Пань? Да ладно, я ее еще спрашивать буду.

Слышен шум борьбы, из-за занавески вырывается Паня.

Паня. Совсем обезумел на старости лет. До ночи потерпеть не может. Людей по-

звал в лото играть, а сам... Ведь отработал как вол, а поди ж ты...

Прохор (*выходя из-за занавески*). Ну ладно, Пань, я это тебе припомню. (*Открывает буфет, наливает полстакана водки, выпивает, начинает петь.*)

Завтра я поеду на луну, да-да
Привезу горбатую жену, да-да
Пусть она крива, горбата,
Но червонцами богата
Вот за это я ее люблю!

Ну, раздавай карточки, чего без дела-то сидеть.

Паня (*вынимает лото, раздает карточки*). На деньги или понарошку?

Прохор. На щелбаны, с оттяжкой.

Паня. Нашел дуру. Нет уж, играй без меня.

Прохор. Шучу.

Паня. Шутит он. После таких шуток голова трещит... Давай хоть соседей пождем.

Прохор. Подтянутся. Кричи.

Паня (*вынимая горсть кубиков*). Семнадцать, двадцать четыре, тридцать семь, сорок один, сорок пять, пятьдесят три, пятьдесят шесть, шестьдесят пять...

Сцена вторая

Комната Гущина.

Борис. Толь, ну соври еще чего-нибудь, а? Ну ладно. Ну Толь.

Лида. Это ты все врешь, а Толя рассказывает.

Володя. Правда, Толь, соври посмешней или расскажи, нам без разницы.

Толя. Ну ладно, пейте кровь мою, я сегодня в ударе. Вот... Был у меня дружок... и звали его... Стасик.

Борис. Стасик, сядь на тазик.

Лида. Не перебивай, остряк-самоучка.

Толя. Было ему двадцать лет, и работал он ассенизатором.

Володя. Кем-кем он был?

Борис (*смеясь*). Ассенизатором. Говно возил.

Толя. По-ученому — фекалии.

Володя. Ну и работенку нашел.

Толя. Платили хорошо, вот и нашел.

Семья была большая, братишки, сестренки... Короче? Короче становился день! Ходил он почище инженера. Весь чистенький, отутюженный, одеколоном за версту пах.

Борис. Не пах небось, а вонял.

Володя. Я тебе щас в лоб закатаю.

Борис. Чего? Это ты мне сказал? Ну идем. Идем в коридор, стыкнемся до первой кровянки. Да идем, я с тобой хоть на край света.

Толя. А ну, цыц! А то обоим подзатыльников надаю.

Лида. Правильно, Толь, выгони их и не пускай никогда.

Борис. Ты-то чего лезешь, каждой бочке затычка.

Толя встал и подошел к окну. Пауза.

Толя. Эх вы, маленькие собачки.

Пауза.

Володя. Ладно, Толь, не обижайся. Мы тихо будем, ей-ей... Расскажи дальше. А то скушно, Толь. (*Показывает кулак Борису.*)
Борис. Да, Толь, не серчай. И пах, значит, твой Стасик за версту одеколоном.

Пауза.

Толя. Ну, что дальше? Встретил он девушку, и полюбили они друг друга. И все было бы хорошо, да родители ее прознали, что он там на машине своей возит. Тут все и началось. Уж они его позорили, насмешки строили. «Не смей его к нам водить, у нас дом, а не общественная уборная». Одним словом, сломали любовь, разлучили. Прошел год. Подыскали ей женишка из бухгалтеров, сосватали. Это легко сказать: прошел год. А для Стасика — мука-мукою. Полюбил он ее пожизненно. Смотреть было на него страшно, уехать бы ему куда, да некуда. Конец лета, свадьба. Сидят гости, едят, пьют, песни орут. Бухгалтер невесту взасос целует, все кричат «горько», увлеклись, в общем. А дело-то к вечеру было. Подъехала к их дому машина, вышел шофер, вставил в окно кишку от бака, и как даст она по гостям струю, в две атмосферы...

Борис. Фекалиями!!!

Толя. Нет, Борька, теперь говном!

Борис. Ой! Ой! Ой! (*Захлебываясь смехом.*) Представляешь, они все... ой, ой... «горько»... ой, не могу. Представляешь? Володя (*корчась от смеха*). Представляю... ой, они там, как эти... ой... А сколько литров в баке, ой?

Борис. Ой, литров шестьсот, ой, на всех хватило, ой.

Оба падают на пол, корчатся в изнеможении от смеха.

Лида. Толя, а что было потом?

Толя. Потом? Потом свадьба расстроилась, а мне дали пять лет... Стасику... Стасику, конечно. Не надо, не надо, Лида, не плачь.

Лида. Дураки, дураки, смешно им! (*Убегает.*)

Борис. Во малохольная! Юмора ни грамма!

Толя. А ну брысь, все по домам!

Пауза. Раздается стук в стену. Три раза.
Иду!

Сцена третья

Комната Пасечников. Стук в дверь. Прохор идет открывать.

Толя. Чего дверь-то заперта?

Прохор. Любовью занимаемся.

Толя. А, дело хорошее. А народ где?

Прохор. Подгребет твой народ.

Паня. Проходи, Толя, садись. Ты ужинал?

Толя. Ага, два раза.

Паня. Может, перекусишь чего?

Толя. Да нет, Пань, спасибо, не хочется.

Паня. А то давай щец налью?

Прохор. Чего ты его уговариваешь?

Не видишь, что ли, он уже налопался?

Толя. После работы имею право. (*Садится за стол, берет карточки.*) Почем карточка?

Паня. Как всегда.

Толя. Дай одну.

Прохор. Все продул, даже на лето

не оставил. Работник. Послал бог соседа. Толя. Потерпи, Прош, немножечко, скоро разведемся.

Паня. Ты что, Толь, уезжать надумал? Завербовался куда?

Толя. Да нет, Пань, все разведемся.

Паня. Это как же, куда?

Толя. А вот вторую пятиэтажку сдадут, нас в нее и переселят.

Прохор. Мели, Емеля. Она для итеэровцев строится.

Толя. Правильно, а часть жилья под наш барак пойдет. Нас снесут. А на этом месте новый цех построят. Завод расширяться будет.

Паня. Это что, правда, Толь?!

Толя. Говорят.

Прохор. Говорят, что кур доят. Кто говорит-то?

Толя. Михеев. Он меня сегодня в заводоуправление вызывал, проводку чинить.

А у него совещание шло насчет строительства. Я краем уха и услышал.

Прохор. Сам Михеев его вызывал! Знамо дело! Как же без Гущина совещание проводить? Может, он тебя и угостил, а?

Толя. Вот чего не было, того не было.

Прохор. Вот именно — не было. Ты его хоть в глаза видал, Михеева-то? Тот на заводе бывает раз в год, все время в Москве обретается. В министерствах, в ЦК. Может, он тебя в ЦК вызывал проводку чинить? Позвонил на завод по вертушке, вызвал тебя и говорит: «Толик, дорогой, садись в мой «ЗИМ» и приезжай к нам в ЦК, про-вод-ку-чи-нить». *(Заливается смехом.)*

Паня. Да погоди ты смеяться, Прош. А вдруг правда.

Прохор. Да кого ты слушаешь? Ему еще стакан выпить, он тебе и не такое расскажет. Сказочник. Поэтому пацаны к нему и липнут. Вот удивительное дело: я им правду-матку в глаза режу — фыркают, отворачиваются. Он сказки сказывает — они уши враслопырку. Чудной у нас народ.

Паня. Толя, а когда этот дом сдавать будут?

Толя. К октябрьским обещали.

Паня. Вот уж, действительно, у людей

будет праздник. А может, и у нас, Толь? **Толя.** А может, и у нас.

Паня. Сомневаешься, значит.

Толя. Да нет, Паня. Номер барака, который под снос, правда, не называли, но мы же ближе всех к заводу стоим... Да и потом, сколько можно так жить?

Прохор. Это ктой-то там питюкает? Это ктой-то там питюкает? «Сколько можно так жить?!» А сколько ты здесь живешь? Лет семь. А мы здесь почти всю жизнь прожили! И не скулим. Нормально. Не бары. Живем не хуже всех. Каждой семье по комнате. Свет есть, колонка рядом, уборная за углом, керосин каждое воскресенье привозят. А один сарай чего стоит? Хочешь — курей держи, хочешь — свинью. Какого рожна вам еще надо?! Зажрались. Вам бы, как мне, в детстве досталось. Я с родителями в Донбассе в землянке жил. Да чего говорить... Москва виновата. Москва рядом, вот вы на нее и зыритесь... Ну хватит мне душу мотать, кричи. Кричи, кому говорят!

Паня *(после паузы)*. Семнадцать, двадцать четыре, тридцать семь, сорок один, сорок пять, пятьдесят три, пятьдесят шесть, шестьдесят пять...

Сцена четвертая

Комната Гороховых.

Борис *(подшивая валенок, поет вполголоса)*.

Широка кровать моя стальная,
Много в ней подушек, простыней,
Приходи ко мне, моя родная,
Будем делать маленьких детей.

(Повторяет последние две строчки.)

Максим *(отложив газету)*. Ты чего поешь, ослик?

Борис. Чего, оглох что ли? Песню.

Максим. Какую песню, дубина? На какой мотив, соображаешь?

Борис. А какая разница? У нас ее вся ремеслуха поет.

Максим. Хором, значит. И преподаватель?

Борис. Про них не знаю, может, и поют дома под подушкой.

Максим. Клав, ты слышала, что он пел-то? Чего молчишь, слышала или нет? Отвечай, по-хорошему спрашиваю!

Клава. Некогда мне, у меня картошка подгорает.

Максим. Последний раз спрашиваю, слышала или не слышала?

Клава. Ну не слышала, не слышала. Пристанет, как банный лист.

Максим. Ну так послушай, послушай, получи удовольствие. Ну-ка, Боренька, повтори на бис.

Борис. Хоть сто порций. *(Громко повторяет песню.)*

Максим *(вскакивает с дивана)*. Тише, козел безрогий! Ты чего орешь на весь барак! Ты чем шурупишь? Ты что же, хочешь, чтобы нас всех взяли под белы ручки и за Можай загнали?! Ты этого добиваешься? Отвечай, чего зенки вылупил, за Можай хочешь?

Борис. Чего я там не видел, мне и здесь хорошо.

Максим. Ты чего дураком прикидываешься? Ты лучше умным прикинься, остолоп. А ты чего молчишь, или опять ничего не слышала? Там тебе уши-то прочистят, прочистят, а то картошка у нее подгорает. Мне-то что, я ему не родной, а тебе прочистят. Ты от кого его родила, я спрашиваю?

Клава. Я знаю от кого, не от тебя же.

Максим. Может, ты не знаешь, от кого. А я знаю. От врага народа ты его родила, с чем тебя и поздравляю, Клава, ты моя дорогая, шалава ненаглядная.

Клава. Не трогай Сережу, он не враг народа, он пропал без вести на войне, ты же знаешь...

Максим. Не знаю и знать не хочу. Я же вот не пропал.

Борис. Ну и зря.

Максим. Что ты сказал?

Борис. Зря, говорю, не пропал.

Максим. Это ты мне говоришь?

Борис. Тебе, тебе, кому же еще.

Максим. Хочешь, я тебя задушу?

Пауза.

Борис. Ну задуши, попробуй.

Максим. А я и пробовать не буду. Возьму и задушу как котенка.

Борис. Кишка тонка.

Клава. Борис, прекрати! Максим, оставь его ради бога...

Борис. Не бойся, мать. Мне шестнадцатый год пошел. Харе. Кончилась его власть, больше он мне фингала не поставит. Я самый сильный в группе, по сто кило болванки воруваю. Пусть сунется. Я его,

как гвоздь в стену, зашибу. Ты терпи, раз тебе нравится, а мне все вот так, по самое горло... Ну чего рот разеваешь, как рыба на песке...

Клава. Борис, замолчи, слышишь?

Максим. Я... я... я о тебя руки марать не стану. Я тебя пристрелю, как фашиста, понял?! Как фашиста, понял? И мне ничего не будет, понял, ничего. Еще спасибо скажут, понял, гад? Ты какую песню похабишь? Я всю войну прошел, я дважды раненый, в голову контуженный. Ты на кого пиписку поднял? Я таких, как ты, пачками... Мы таких руками рвали. Я...

Ты... Ты у мамки сиську сосал, а я в болоте гнил, траву жрал... Ты хоть раз в штыковую ходил? Отвечай, ходил?! Сучонок. Ты хоть раз под танк лазил? Говори, лазил? Ты знаешь, что такое страх? Когда из тебя дерьмо лезет, знаешь?.. И ты меня, меня! *(Рвет на себе рубаху.)* На, зашиби, зашиби Максима Корнеева. Ну! *(Хватает Бориса за горло и прижимает его к стене.)*
Клава *(пытаясь оторвать Максима от Бориса.)* Не трогай его, Максим, он дурак еще глупый. Максим...

Максим. Я за что кровь проливал! За что?! А ну пой! Гадина! *(Душит Бориса.)*

Борис *(придушенно, ему очень страшно.)* Что... петь?

Максим. Повторяй за мной. *(Поет.)*

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Ему сдавленным голосом вторит Борис. (Отпускает Бориса.) Неплохой дуэт, а? *(Падает, теряя сознание.)*

Сцена пятая

Комната Пасечников.

Паня. Семнадцать, двадцать четыре, тридцать семь...

Толя. Кончил.

Прохор. Проверим.

Толя. А чего проверять, все шары на месте.

Прохор. Везет дуракам. Нет, вот инте-

ресно. По идее ведь я должен был кончить, не ты.

Толя. Почему не я?

Прохор. А очень просто. У тебя сколько карточек? Одна? А у меня пять! У тебя одна квартира была, а у меня три. Так что по идее я скорее должен был выиграть.
Толя. По идее ты, а выиграл я. Так что идея не всегда... выручает.

Прохор. А я говорю — дуракам везет.

Стук в дверь.

Паня. Открыто.

Входят Клава и Максим.

Прохор. Ну вы, друзья, даете. Целый час вас ждем.

Клава. Да вот Максиму нездоровится.

Рассаживаются.

Паня. Чего с тобой?

Максим. Да ничего, просто на работе психанул.

Прохор. Чего на твоей работе психовать? Сторож. Знай себе спи.

Максим. Уснешь тут. Тут уснешь. Хозяева называются... Ты представь, чего удумали-то... Из финских лыж забор городить. Целый вагон финских лыж пригнали, уродовать забор. Нет, это дело? Досок у них не хватило...

Прохор. Тебе-то чего психовать, начальству виднее.

Паня. Максим, а где забор ставить будут?

Максим. Не знаю. Знаю только, что территорию завода расширять хотят. Вот и доперли забор из лыж делать. А не подумали, что пацаны этот забор вмиг растащат. И правильно сделают, они настоящих лыж в глаза не видали. А мне что прикажете делать, стрелять? В пацанов стрелять?!

Пауза.

Паня. Значит, Толя правду сказал.

Клава. Какой Толя, Паня? Какую правду?

Паня. Да вот он сидит, у него и спроси.

Клава (*шутливо*). Ну, каку-таку правду ты знашь, ну-ка докладывай, Толя! Анатолий Николаевич! Говори сейчас же. А то защекочу до смерти. (*Начинает щекотать Анатолия, тот увертывается.*) А, боишься.

Прохор. Что ты, Клава, сегодня игривая какая?

Клава. А надоело грустить, Проша. Вот и играюсь. Вы чего нас звали, играть? Давайте играть. А правду ты не говори, Толя, не надо. Я правды боюсь.

Паня. Ты о чем, Клава?

Клава. Да ни о чем, Паня, это я так... А что если нам по стопочке, а?

Толя. Клава, ты золото.

Клава. Я знаю, Толя, я золото... самоварное.

Прохор. По стопочке, говоришь? По стопочке, по одной, можно. Под килечку. Для азарта. И сразу играть. Панечка, сооруди, а я пока кубики помешаю, карточки раздам...

Паня ставит на стол бутылку водки, стопки, миску с килькой, хлеб. Толя разливает всем поровну водку, Клава нарезает хлеб.

Клава (*поднимает рюмку*). Чтобы елось и пилось.

Прохор. Ну! Хотелось и могло!

Все выпивают, закусывают. Пауза.

А лыжи, ты, значит, говоришь, финские?

Максим. Финские.

Прохор. И территорию расширять будут?

Максим. И территорию расширять будут.

Прохор. И ты, значит, туда же.

Максим. Не понял?

Прохор. С Анатолием вместе, в одну дуду...

Максим. Не понял! В какую дуду, господа хорошие?

Прохор. Ладно, потом объясню... Так, берите карточки, ставьте денежки на кон, и разлили моя малина. Кричи, Паня. **Паня** (*вынимая горсть кубиков*). Сорок четыре.

Прохор. Стульчики!

Паня. Шестьдесят девять.

Прохор. Туда-сюда!

Паня. Одиннадцать.

Прохор. Барабанные палочки!

Паня. Семьдесят семь.

Прохор. Топорики!

Паня. Десять.

Прохор. Рыбий глаз!

Паня. Один.

Прохор. Коля!

Паня. Девяносто.

Прохор. Дед! Сколько ему лет?

Сцена шестая

Комната Шуры Саловой.

Шура (*вынимая продукты из сумки*). Нет, ну ты подумай только. Ведь совсем пустой магазин-то. Шаром покати. Ни котлет, ни макарон, ни рожков тебе каких. Сельмаг называется. Одна икра стоит, одна икра, и эти, как их, крабы... Ну разве это еда... Нет, не ел эту икру русский человек и есть никогда не будет. Хорошо, что картошка есть, и то слава богу. Если так дело пойдет, придется в Москву отовариваться ездить. Вот ведь к чему дело-то идет, помяни мое слово...

Лида. Ба, ну мешаешь ведь... (*Читает вслух стихи.*)

Шура. Учи, учи, Лидок, я встревать не буду. А как же? Неужто я буду мешать единственной внучке учиться, овладевать знаниями. Что же я ей, вражина какая?! Да я в лепешку расшибусь, а на ноги ее поставлю, красавицу мою. Да вот назло всем. Родители твои непутевые все по северу шастают, деньгу зашибают. А как мы тут с тобой, им и невдомек. На, бабка, воспитывай! То, что ты здоровая дылда стала, что тебе одеться-обуться надо, это им в башку не приходит. Нет бы деньжат выслать, куда там! Все копят и копят, в кубышку складывают. Одними обещаниями кормят. «Вот приедем назад, и все сразу обзаведем». Мудрые какие! А вдруг их по дороге-то ограбят. А что? Не бывает? Сплошь да рядом. Ограбят как пить дать. И все эти годы коту под хвост. Вот если бы выслали частями-то, то целей денежки-то были...

Лида. Ба, ты чего запричитала, клюкнула, что ли?

Шура. Пивка, Лидочка, пивка токо. Пивко-то полезно... От пивка даже прыщи проходят. Нет, водочки я не пила, ты не бойся. Я ее только купила, к престольному празднику. Пускай стоит, чтоб потом не ходить, ног не мять. А что, и водочка полезна, если в меру, конечно. Лафитничек перед ужином, чем плохо? Она из хлеба сделана, из чистой пшенички. Отсюда и живость ее, и веселость. Ужинать-то когда будем?

Лида. Убери ее сейчас же, поняла? Чтоб я ее не видела.

Шура. Ух ты, гроза-молния! (*Прячет бутылку водки. Подходит к иконе.*) Никола-угодник, миленький, прости меня, греховодницу старую. (*Крестится.*)

Лида разучивает стихи вслух.

Слушай, Лид, чего вчера в бане-то говорили. Будто в Жилино девушку насильовали. Вчетвером. А девушка вроде тебя — аккурат шестнадцать годов. Так мужики их поймали и на мелкие кусочки порвали, бандитов этих. Бабы видали — на мелкие кусочки, говорят. Я как услышала — аж затряслась вся. Страшно мне за тебя стало. Уж такая ты у меня хорошенькая, сладенькая, уж такая сдобная... Ты одна вечерами не ходи, ты к нашим ребятам ближе жмися. Володька Пасечник с тебя глаз не сводит, это я заметила. А вот Борька Горохов — парень покрепче будет. Так уж ты сама выбери себе кавалера для прогулок, а то и обоих, так надежней будет, пусть сунется кто.

Лида. Нашла кавалеров в нашем бараке.

Шура. А тебе принца подавай, из пятиэтажки.

Лида. Не нужен мне никто. Мне стихи выучить надо, а ты мне мешаешь. (*Продолжает вслух разучивать стихи.*)

Шура. Лидочка, милая, погоди тараторить-то. Просьба у меня к тебе есть. Знаю, сердиться будешь, да я ведь не о себе пекусь. Исполни, ради бога, прошу тебя, роденькая, кровиночка моя. (*Плачет.*)

Лида. Да что случилось-то? Какая просьба?

Шура. Дай честное слово, что исполнишь. Христа ради тебя прошу, хочешь — на колени встану!

Лида. Бабушка, что с тобой, успокойся. Я все исполню. Честное слово, честное комсомольское.

Шура. Носи с собой молитву.

Лида. Какую молитву?

Шура. Живые помощи. Она тебя от всего спасет. От насильников всяких и вообще...

Лида. Да как же я?.. Я ж в совете дружны... Я ж...

Шура. Да ведь никто знать не будет.

Лида. Как же так? Нехорошо. Я же не верующая...

Шура. Это ничего, ничего. Господь услы-

шит. У тебя душа чистая. Господь услышит, милая.

Л и д а. Это же нечестно...

Ш у р а. Что же тут нечестного? Что ты, украла что-нибудь? Нечестно, если ты слово дала и не сдержала, вот это нечестно. (*Вытаскивает из-за иконы листок бумаги.*)

Ты прочти молитву вслух, а потом спрячь ее в платье или еще куда-нибудь...

Л и д а (*медленно разворачивает листок и начинает громко читать вслух, потом тише и тише*).

Живой в помощи Вышняго,
в крове Бога Небесного водворится,
речет Господеви:

Заступник мой еси и прибежище мое,
Бог мой, и уповаю на Него.

Яко той избавит тя от сети ловчи и от словеси мятежна; плещма своима осенит тя, и под крыле Его надеешася;

ружием обыдет тя истина Его.

Не убоишимся от страха нощного,
от стрелы,

летающия во дни, от вещи во тьме переходящия,

от сряща и беса полуденного. Падет от страны

твоя тысяща, и тма одесную тебе,
к тебе же

не приблизится; обаче очима твоима смотривши и воздеяние грешников

узриши. Яко ты, Господи, упование мое;

Вышняго положил еси прибежище твое.

Не придет к тебе зло, и рана не приблизится

телеси твоему. Яко Ангелом своим.

Заповесть о тебе сохранить тя во всех путех твоих. На руках возьму тя,

да некогда преткнеши о камень ногу твою; на аспида и василиска

наступиши, и попрещи льва

и змия. Яко на мя упова,

И избавлю, и покрю, и яко позна имя Мое. Воззовет ко мне, и услышу его;

с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его; долготою дней исполню его и явлю ему спасение мое.

Сцена седьмая

Комната Пасечников.

М а к с и м. Спорим, что наш барак ближе к заводу?

П р о х о р. Наш барак ближе девятнадцатого?

М а к с и м. Ближе, метров на десять.

П р о х о р. Наш барак плашмя лежит, а девятнадцатый торцом к заводу, поэтому и кажется, что наш ближе.

М а к с и м. «Кажется». Ну давай поспорим.

П р о х о р. Спорим. На что?

М а к с и м. На мои бурки.

П р о х о р. Годится. А я ставлю кубанку... серую.

М а к с и м. Идет. Толян, разбивай.

П р о х о р. Паня, зимой в Москву поедем, я в белых бурках...

М а к с и м. Ты в них утонешь.

П р о х о р. Ничего. Мы шерстяные носочки наденем...

М а к с и м. Слепой сказал: «Посмотрим».

К л а в а. Вы что, мужики, окосели? Разве об этом речь?

П а н я. Именно об этом. Чей барак ближе, тот и снесут.

К л а в а. Ой, прям даже не верится. Эх, Толя, как же ты номер барака не расслышал?

Т о л я. Придет время, узнаем.

П а н я. «Придет время». Тебе хорошо рассуждать, ты один в комнате живешь. А нас трое в восьмиметровке. А Клаву возьми, а других... «Придет время».

К л а в а. Да нет, точно, наш барак ближе стоит. За нашим баракком крапивы меньше растет, чем за девятнадцатым. Значит, мы и переедем.

П р о х о р. Смешная ты, Клава. Нашла чем мерить — крапивой. Тут теодолит нужен. Прибор такой.

К л а в а. Мне, Прош, прибор ни к чему. Я и на глазок замерить могу. Может, тебе прибор нужен? А, Пань, нужен ему прибор? Говори как на духу.

Смеются.

Паня. Ему этот-то отвинтить надо.

Клава. Что, заржавел, что ли?

Паня. Наоборот, как новенький. Спасу нет.

Смеются.

Прохор. Ох, бабы, ох, бабы, с вами прям беда. Выпьют на копейку, а смеху-то, смеху.

Клава. Правильно, Проша, выпили мало. Толик, наливай. Максим, да не смотри ты на меня синими брызгами. Дай хоть подурачиться. А вдруг действительно переедем.

Максим. До переезда еще о-го-го. Курочка в гнезде, а яичко еще...

Клава. Но помечтать мы можем на самом деле или нет? Толя, разливай. И позови бабу Шуру. Пусть тоже причастится.

Прохор. А чего ее звать. Она всегда к третьей стопке сама является. Как штык. Сейчас как раз третья пойдет. Разливай, Толик, ради эксперимента.

Толя наполняет стопки. Пауза. Стук в дверь.

Баба Шура, входит!

Открывается дверь, входит баба Шура. Комната заполняется смехом.

Шура. Чего гогочете? Я что, не вовремя?

Прохор. Наоборот. Тютелька в тютельку.

Паня. Проходи, баб Шур, садись.

Шура (*подходит к столу, садится*). Мы вроде играть собрались.

Паня. Успеем еще. Ты пока чекалдыкни стопочку с нами.

Толя наливает еще одну стопку.

Шура. Не, я не буду.

Толя. Что так? Заболела, что ли?

Шура. Да нет, слава богу, здорова.

Толя. А чего не пьешь?

Шура. Да не пью я. И не пила никогда... из стопок. Мне лафитничек подавай.

Толя. Ну, это мы враз сообразим. (*Берет из буфета лафитник, наливает водки, подает.*)

Баба Шура тут же выпивает.

А нас-то чего не подождала?

Шура. Ой, простите, люди добрые, замешкалась я.

Максим. Ничего себе, замешкалась. Ты хоть знаешь, за что пьем-то?

Шура. Конечно, а как же. За здоровье, за счастье, за нашу Советскую власть... а как же не знать. А за что еще пить?

Клава. А за новоселье не хочешь?

Шура. Какое-такое новоселье?!

Клава. Да вот такое. Скоро нас того, переселят — в новый дом, в пятиэтажный...

Прохор. Ну, это еще вилкой по воде...

Шура. погоди! Это в какой, в каменный, что завод строит?

Клава. В него, а барак наш снесут.

Шура. Да они что, с ума посходили? Да ни в жисть не поеду. Чего я там не видала?

Я была в первом доме, у Нюры Пустоваловой, ох и наревелись мы с ней. На пятый этаж закинули, и сиди, старуха, кукуй. Я с балкона глянула — страх! Люди как мухи, как жуки навозные ползают...

Максим. Это дело привычки.

Шура. Ни на рынок с бабами сходить, ни в баню.

Паня. Зачем в баню-то ходить? Ванна будет — ложись отмокай. С дровами ишачить не будешь, с водой, с керосином. Один туалет чего стоит! А на рынок или в магазин Лидка за тебя сходит, не маленькая.

Шура. А в церковь тоже за меня Лидка сходит? Может, я и живу, пока колготюсь, а без дела мне сразу каюк придет. (*Заплакала.*)

Клава. Хватит, баб Шур, причитать, поживешь еще. Ты о молодых подумай, о Лидке... Чего слезы лить? А может, вас на первом этаже поселят? А что? Уважат твою старость, и мы похлопочем.

Паня. Правильно, Клава. На первом этаже подвал для сарая есть. Так что все у тебя будет, все тридцать три удовольствия.

Прохор. Не переживай, баб Шур, никуда мы не тронемся. Из девятнадцатого переселят.

Шура. Это почему из девятнадцатого?

Прохор. А потому.

Шура. Ты тут не прав, Проша. Почему их? Они что же, люди, амы хрен на блюде? Нет, Прош, тут ты не прав. У них барак новей нашего. Наш барак самый старый в поселке. Их в прошлом годе толем по-

крывали, а нас каждую осень заливают. Больно им жирно будет. Нет, нас первой должны.

Прохор. Ну ладно, буду я еще с тобой спорить! Мы чего собрались — играть? Давайте играть. А то сидят, жилы тянут.

Пауза.

Толя. Ты, Прош, когда злой, вылитый Гитлер.

Прохор. Я не Гитлер. Я вкалываю с утра до вечера. А ты баклуши бьешь да байки травишь. Ты семью заведи да детей вырасти, тогда посмотрим, как ты добреньким станешь!

Толя. У вас ведь один сын, Володька.
Прохор. Он один пятерых стоит. Он один нас всех в гроб вгонит!

Паня. Проша!..

Прохор. Что — Проша? Ну что ты заладила — Проша, Проша? Чего его, не знают? Здесь все свои. Ведь по двадцать ошибок в диктанте делает! Рекордсмен школы. Стаханов!

Паня. Проша, ну не надо. Ну не дается школа ему...

Прохор. «Не дается». А для кого я тогда горбачусь, горбатюсь, тьфу ты господи, язык заплетается, одним словом, трудюсь!

Громкий смех.

Сцена восьмая

Комната Лебедевых.

Валя. Ну как, платье получилось? По-моему, прелесть. Вот здесь надо грудь забрать, а здесь надо чуть-чуть отпустить, и будет люкс. Нет, платье будет на зависть. Коля! Ну оцени, Коленька, мужским глазом. Ну что ты молчишь? Не нравится? Тебе не нравится?! Ну в чем дело? Почему ты молчишь?

Николай. Я не молчу.

Валя. Нет, ты молчишь. Я что, не вижу? Ты на меня не смотришь.

Николай. Я смотрю.

Валя. Нет, ты на меня не смотришь. Ты не на платье смотришь. Ты на мои ноги смотришь. Ноги ты мои видел, а вот платье новое ты не видел. А платье-то получилось прелесть. Ну, Галка-татарочка удружила. Какой материал, какой материал подарила! Креп-жоржет. Звучит-то как! Креп-жоржет! Это тебе не ситец. Умеют же дарить люди подарки. А ты мне всегда одно и то же даришь. Духи «Красная Москва». К октябрьским праздникам — «Красная Москва», к Новому году — «Красная Москва», и на Первомай — «Красная Москва». Как будто, кроме «Красной Москвы», ничего и нет. А кроме «Красной Москвы» еще много чего есть. Например, чернбуря лиса или котиковая шубка. Представляешь, к таким ножкам — котиковая шубка. Отвечай, представляешь?

Николай. Не представляю.

Валя. Правильно, не представляешь. А почему ты не представляешь? А потому что мы с тобой бедные. Мы с тобой бедные, Коленька?

Николай. Почему бедные? Мы нормальные.

Валя. Нет, Коленька, мы бедные, бедные, бедные, бедные. Ну что ты хмуришься, сокол мой ясный? Как осуждающе смотришь. Мы бедные, но мы гордые! Ну-ка улыбнись мне сейчас же. Я кому сказала! Нехороший мальчишка. Ишь ты на кого вздумал злиться, на свою красавицу жену. Я тебе сейчас уши надеру. Я тебе сейчас.

Николай обхватывает Валю, целует, та вырывается.

Все, все, Коленька, хватит лизаться, меня девчонки ждут.

Николай. Ты уходишь?.. Опять?

Валя. Да, опять!

Николай. Но я же тебя просил не ходить к этим...

Валя. К кому — к этим?

Николай. Но ты же прекрасно знаешь, к кому, к Волковым.

Валя. А почему я не должна ходить к Волковым, они меня что, съедят?

Николай. Съедят. Съедят!

Валя (пауза). За что ты их ненавидишь? За то, что они живут в сто раз лучше, чем мы? За то, что у них квартира в пятиэтаж-

ке, мебель, машина? За что? За то, что они начальство? За это уважать надо! Люди всего добились сами, всего. Ты лучше нас ненавидь за то что мы нищие. За то, что живем в бараке, с этой рухлядью, за то, что на ночь помойное ведро вносим. Ненавидь! Ненавидь! Я тоже ненавижу, когда ты мне рот закрываешь в постели, чтобы стона моего соседи не слышали. Я ненавижу эти фанерные стены, эту печку, этих слонов на комодке. Я женщина, мне двадцать пять лет, я еще красива. Понимаешь, красива! Мне надоели эти злые рожи, эти пьянки, это лото. Там другие лица, там мне рады, там за мной ухаживают. Там стол накрыт бархатной скатертью. Там не жрут водку, а пьют вино, там не жарят на гармошке, а играют на пианино, там... там я женщина. Нет, вру. Даже там я не чувствую себя женщиной. Потому что я боюсь, боюсь, боюсь, что когда-нибудь на эту самую бархатную скатерть спрыгнет с меня клоп... И тогда... и тогда я повешусь.

Пауза.

Николай. И пусть прыгнет. И пусть прыгнет наш русский клоп на их немецкую скатерть. И пусть потопает ножками по трофейным плюшевым диванам, по чайным сервизам, пусть прокатится на «оппель-капитано». Начальство! Твой Волков — завхоз: здесь на заводе завхоз и на войне он был завхозом. Он из Германии вагон барахла припер. Мужики — ордена и раны, а он чемодан патефонных иголок притаранил. И торговал ими налево-направо. А теперь жирует, музыкальные вечера устраивает. Блядки это, по-русски говоря. Жена его на пианино играет, а он сводничает. Он вас под начальников из Москвы подстиляет. Одних смазливых нашел, ни одной крокодилы не взял. Да будь его воля, он бы сам вас всех пере... пере... перелопатил. А то ей «Красная Москва» не нравится. «Представляешь, к таким ножкам — котиковая шубка». А дрыном дубовым по заднице — представляешь?

Валя. Замолчи!

Николай. Не замолчу!

Валя. По-хорошему тебе говорю, замолчи!

Николай. А что будет, если я не замолчу?

Валя. Пожалеешь.

Николай. Много чести будет.

Валя. Замолчи, Коля, хуже будет. Ты мою натуру знаешь.

Николай. Знаю, знаю, ее весь барак знает, твою натуру.

Валя. Чихала я на твой барак, Коленька, с высокой колокольни.

Николай. Дочихаешься.

Валя. Ой, как страшно! Аж поджилки затряслись. Ну, где твой дрын? Ну-ка ударь меня по попке. *(Снимает платье, оставаясь в одних трусиках.)* Ну, смелей, Коленька.

Пауза.

Николай. Придет время — ударю.

Валя. Не придет, Коленька. По такой попке не бьют, милый... Уж если кто и ударит, то только не ты.

Николай. Совесть ты совсем потеряла...

Валя. Совесть? Сейчас найдем, Коленька.

Совесть моя, где ты? *(Роется в шкафу.)*

Совесть, ты где? *(Заглядывает под стол.)*

Совесть?! *(Подходит к Николаю, обнимает его.)* Вот моя совесть! Вот она где! *(Треплет волосы Николая, целует его.)* Ты моя совесть...

Николай. Не трогай меня.

Валя. Ну что ты, что ты. Успокойся, ты весь дрожишь. Я с тобой, я с тобой...

Николай. Ты мой позор...

Валя. Прости меня, Коленька, прости.

Николай. Ты опозорила мою фамилию...

Валя. Молчи, мой родной, молчи.

Николай. Ты была Валя Лебедева.

Валя. Я и сейчас Валя Лебедева.

Николай. А теперь ты Валька — Лебедина...

Валя. Не плачь, Коля. Это неправда. Я Валя Лебедева. Твоя Валя Лебедева. Не слушай ты людей. Они злы и завистливы...

Николай. Твой Волков тебе в отцы годится...

Валя. Не верь никому, я твоя, я только твоя. Это ревность в тебе говорит... Ну хочешь, ударь меня, хочешь? Но поверь ты мне, что мне никто не нужен. Просто я устала. Я чувствую, что начинаю стареть, так рано стареть. Я смотрю на наших матерей, и мне становится страшно. Неужели

я тоже проживу такую жизнь! Такую страшную жизнь! У них стали грубые мужские лица, визгливые голоса! А руки! Ты видел руки у наших женщин?.. Я тоже становлюсь грубой и злой. Но я не виновата, Коля, родной, это жизнь меня заставляет... Прости меня, Коля. Ты мой честный, совестливый, нежный мой мальчик, но и тебя жизнь сделает зверем.

Николай. Прости, прости меня, Валя. Валя. За что, Коля, за что?

Николай. За то, что я такой слабый... За то, что я люблю тебя... Ведь ты уходишь от меня, а я не могу удержать. Я тряпка. Прости меня... Я не могу тебя бить. Прости меня.. Не могу. Ты гибнешь... Прости меня... Но когда-нибудь я смогу, я смогу. (*Обнимает и целует Валу.*)

Сцена девятая

Комната Носковых.

Нина Дмитриевна (*рассматривая альбом*). ...А это я в роли Эсмеральды в «Соборе Парижской Богоматери». Бешеный успех! Тут такая история. На эту роль назначили меня и Зину Семенову, жену директора. Она старше меня лет на пятнадцать и вдвое толще. Я ведь тогда тростиночкой была. Мне девчонки и говорят: «Нина, откажись от роли, сожрут они тебя». «Не сожрут, говорю, подавятся». Начались репетиции, она в первом составе, я во втором. Зинаида на сцене репетирует, я в зале сижу. Ей платья шьют, мне из подбора дали. Ладно, думаю, Зиночка, устрою я тебе козу... И тут меня осенило. У Гюго, в романе, Эсмеральда козу приручила... Пошла я на рынок и купила за бешеные деньги прелестную козочку. Вся белоснежная, а на лбу маленький черный треугольник. Чудо какое-то, глаз оторвать нельзя. Привела ее в общежитие и давай дрессировать. Сначала ни в какую, а потом она шагу без меня не делала. «Джали, ко мне!» — бежит вприпрыжку. Еду только из моих рук брала. Это ее только и спасло, иначе бы соседи отравили. А репетиции идут, Зинаида со сцены вещает, а я все в зале сижу... сижу... И вдруг: «Носкова, на сцену!» Я сижу. В театре так тихо стало, тихо-тихо...

Раздается храп Владислава Павловича.

Владислав, это ты?

Храп продолжается.

Владислав Павлович, проснись! Перестань храпеть, чудовище! Господи, как ты меня

пугаешь этой своей манерой! Объясни, как можно спать с открытыми глазами, да еще стоя у печки.

Владислав Павлович. С чего ты взяла, Ниночка, что я спал?

Нина Дмитриевна. Как — с чего?! Да ты же храпел, как пожарник.

Владислав Павлович. Странно.

Нина Дмитриевна. Да не странно, а страшно.

Владислав Павлович. Не преувеличивай, Ниночка. Ну, издал человек звук, но звук-то приличный. А потом, эту историю я знаю.

Нина Дмитриевна. Да не можешь ты ее знать!

Владислав Павлович. Да представь себе, знаю. Ты вышла, повторила все мизансцены, текст знала назубок, а в конце картины помреж, с которым ты заранее договорилась, выпустил Джали на сцену. Козочка уткнулась рожками тебе в подол, и ты, лаская ее, проплакала весь монолог... Был настоящий триумф, а с Зинаидой сделалась истерика.

Нина Дмитриевна. Да, все так. Нет, это мистика какая-то! Я ведь тебе этого не рассказывала.

Владислав Павлович. Да никакой мистики. За эти полтора года, что мы сошлись, ты мне рассказываешь эту историю третий раз.

Нина Дмитриевна. Да не может этого быть!

Владислав Павлович. Может, мамочка моя, в наши годы все может быть.

Нина Дмитриевна. В какие годы, Владик? Я моложе тебя на девять лет.

Владислав Павлович. На два, Ниночка, на два.

Нина Дмитриевна. Ты бредишь, Владислав, на девять.

Владислав Павлович. Ну хорошо, Ниночка; на девять, так на девять. Хоть на девятнадцать, мне не жалко... Только в твоём паспорте записано на два...

Нина Дмитриевна (*пауза, закуривает папиросу*). А в вашем паспорте записано, что вы, Владислав Павлович, из рабочих... А мне известно, что ваш отец в Тамбове москательную лавку держал.

Владислав Павлович. Не знаю, Нина Дмитриевна, не ведаю. Я ещё молодым человеком в Москву уехал музыке

обучаться. И что мой отец потом держал ещё, мне не известно. А вот то, что вы козочку свою, белоснежную Джали с черным треугольничком на лбу, ам-ам, скушали, и заодно Зину Семенову, это мне доподлинно известно. Из ваших же рассказов. Понимаю, голод, и все же.

Нина Дмитриевна. Вы, Владислав Павлович, хам трамвайный. (*Уходит за ширму.*)

Владислав Павлович. А вы, уважаемая Нина Дмитриевна, актриса, да ещё провинциальная! (*Вынимает из футляра немецкий аккордеон, начинает играть «На сопках Манчжурии».*)

Сцена десятая

Комната Пасечников.

Паня. Восемьдесят девять.

Толя. Квартира.

Шура. Это у меня квартира.

Клава. И у меня квартира. У всех квартиры.

Прохор. Главное, у меня квартира... Это что же получается, целый дом... Все, хорошо, убедили! Переезжаем. Лето.. оно... Кончай игру! Наливайте, Анатолий Николаевич. Это дело обмыть надо. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!

Паня. Тогда надо всех позвать, обрадовать.

Прохор. А чего мы здесь в тесноте ютиться будем? Нам к простору привыкать нужно. А ну, мужики, берем стол — и в коридор. Гулять так гулять! (*Кричит*). Володька! Володька! А вы, бабоньки, мечите все на стол...

Общая суета.

Володька!

Клава. Накроем, Проша, не хуже чем в «Метрополе».

Максим. А ты в нем была?

Клава. Не важно, может, и была.

Вбегает Володя.

Володя. Чего?

Прохор. Зови молодоженов в коридор. Сабантуй будет.

Володя. Каких молодоженов, старых или молодых?

Прохор. Всех, какие есть!

Володя убегает.

Паня. Ой, Проша, я суеверная. Не рано вато ли выпивать, праздновать? А вдруг все зря?

Прохор. Ничего не зря. Запомни, Паня. Все, что выпито и прогулено, на дело употреблено!

Сцена одиннадцатая

Коридор.

Прохор. Тихо, братцы, я речь говорить буду. Тихо. Кому говорят! Кто здесь староста барака?

Шура. Ты, Проша, ты, кому ж здесь старостой быть.

Прохор. То-то. Я староста. Тогда слушайте мой тост. Вот собрались мы сегодня здесь, так сказать, всем миром. А для чего собрались?

Борис. Чтобы выпить.

Прохор. Правильно, Борька, выпить. А за что выпить? За нашу, так сказать,

жизнь светлую. Ведь как ни крути, а ведь мы все живы-здоровы, обуты и одеты. И если бы не война, мы бы сейчас о-го-го как жили. Я ее, эту войну, нюхнул на фронте вместе с Максимом, не приведи господи, да и вам тут не сладко досталось. Ну, это все сзади, а что у нас спереди, впереди, то есть? Ничего, кроме хорошего! Вот переедем в новый дом и заживем как короли, по-царски. Вот за это я и думаю выпить. Стоя!

Все встают, чокаются, выпивают.

На закуску навались!

Паня. Ребята, вы что, тоже водку пили?

Борис. Нет, тетя Пань, мы бражки по стакашке.

Шура. Я вот вам дам бражки, я вот вам губы поотрываю...

Клава. Ладно, баб Шур, шут с ними, ради такого дня.

Нина Дмитриевна. Как все это неожиданно! Вдруг!

Шура. И не вдруг, а все идет своим чередом. Раньше здесь деревня была, потом дачники это место облюбовали, теперь вот завод город построит. Пропади он пропадом... И какая деревня была, как картиночка! *(Всхлипывает.)*

Николай. У нас и сейчас хорошо. И лес, и речка. Зелени полно. И дачи стоят нетронутые. Полчаса на электричке, и ты в столице. Одно из лучших мест Подмосковья, сравнивают даже...

Толя. Одним словом — зеленая зона! Выпьем! *(Выпивает.)*

Николай. ...Сравнивают даже со Швейцарией.

Толя. И в Швейцарии, значит, так же хорошо... Выпьем за Швейцарию! *(Выпивает.)*

Максим. В Швейцарии часы хорошие делают. У меня «Омега» была — горя не знал. В сорок седьмом на рыбий жир обменял.

Прохор. Наша «Победа» не хуже. Выпьем за Победу.

Клава. Эй, вы, мужики, вы что-то зачастили без нас. Давай, Паня, наливай всем. А вы, Владислав Палыч, чего молчите? Вы здесь самый культурный мужчина, вам и речь держать.

Борис. Давайте, я скажу!

Максим. Слюни сперва подотри.

Клава. Уймись, Максим! Владислав Палыч, мы ждем.

Владислав Павлович. Мне как-то неудобно. Это ваша радость. Вы столько лет прожили вместе, в этом бараке, вы заслужили... А я человек новый, я могу только радоваться за вас, за Ниночку... Может, Ниночка сама выступит?

Лида. Нина Дмитриевна! Просим!

Борис и Володя. Просим! Просим!

Нина Дмитриевна. Хорошо, я скажу. Речь моя будет странной и путаной, я волнуюсь, но я скажу. Я старая женщина, бывшая провинциальная актриса...

Паня. Какая же вы старая, Нина Дмитриевна? Да вам больше пятидесяти не дашь.

Клава. Нам бы так выглядеть, мы перед вами чернавки...

Нина Дмитриевна. Не лукавьте, девочки. Я старая, больная, одинокая женщина...

Лида. А Владислав Палыч?

Нина Дмитриевна. Я прожила трудную, но по-своему счастливую жизнь. Меня любили, я имела успех у публики. Но прошли годы, я оказалась здесь, среди вас, вдали от театра, и опять прошли годы. И я поняла, поняла, что искусство... искусственно. И как бы я правдиво ни играла, я всегда лгала. И чем правдивей ты играешь, тем больше лжешь. Тем больше подменяешь жизнь, вернее, изменяешь ей. Вы понимаете меня?

Борис. Понимаем, тетя Нин, понимаем.

Нина Дмитриевна. Из тебя, Борис, вышел бы неплохой артист, ты органично врешь. Ничего ты не понимаешь! Я сама путаюсь. Вам, может быть, это не интересно, но я закончу свою мысль. Я не жила, мне казалось, что я жила, и вот в конце жизни у меня никого и ничего нет... Кроме вас и альбома с фотографиями. И мне страшно... Простите меня... Любите и берегите друг друга.

Большая пауза. Женщины плачут.

Прохор. Ну вот, ревы-коровы. Ну женщины! Ни одного праздника без слез...

Максим. Наши жены без слез, как без пряника.

Прохор. Лида! Принеси патефон, танцы устроим до упаду. Ребята, помогите ей.

Лида, Володя, Борис уходят.

Ну, все, все, хватит, бабоньки. Толя, расскажи байку какую или анекдот, все веселей будет.

Толя. Сейчас я вас развеселю. Клав, Клав, подыграй мне.

Клава. Это как?

Толя. Ты вот спроси меня: «Толь, коммунизм скоро будет?» спроси меня.

Клава. Ну?

Толя. Ну спроси меня: «Толь, коммунизм скоро будет?»

Клава. Толь, коммунизм скоро будет?

Толя. Скоро. (*Подмигивает одним глазом.*)

Пауза.

Максим. Да, Толя. Ты допрыгаешься. Тебя научат свободу любить.

Толя. Да хватит тебе бояться, Максим. Сейчас другие времена.

Максим. Времена-то другие, да люди те же.

Прохор. Это хорошо, что ребята ушли. А то бы я тебе подмигнул, я бы тебе подмигнул...

Шура. Я чего-то не поняла. Это что же, коммунизм, значит, не скоро будет?

Прохор. Скоро, скоро, баб Шур, ты вот давай лучше закусывай.

Шура. Быстрее бы его объявили. Мне жить-то осталось всего ничего.

Владислав Павлович. Александра Васильевна, а как вы себе представляете коммунизм?

Шура. Очень просто. Когда всего вдоволь будет. Товаров разных, еды. Люди все культурные будут, пить бросят, сквернословить. Работать станут по совести. Дети родителей почитать... В общем, как до революции.

Прохор. Ну вот, здрасьте, приехали. Договорилась. Пойдем, старая, баиньки.

Шура. Да что ты меня спраживаешь? Я еще петь буду.

Прохор. Ну нет.

Шура. Да не пить, а петь, глухой черт. Толик, начни мою любимую. Поешь ты знатно.

Толя (*выпивает, начинает петь*).

Песню подхватывают остальные.

Хас-Булат удалой!

Бедна сакля твоя...

Золотою казной

Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою

Разукрашу кругом,

Стены в ней обобью

Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет

Разошью по краям

И тебе пистолет

Мой заветный отдам.

Дам старее тебя

Тебе шашку с клеймом,

Дам лихого коня

С кабардинским тавром.

Входят ребята. У Бориса в руках патефон. Звучит песня в исполнении Петра Лещенко — «Вино любви».

Проходят дни и годы,

И бегут века.

Уходят и народы,

И нравы их, и моды,

Но неизменно вечно

Лишь одно вино любви.

Пускай проходят века,

Но власть любви велика,

Она сердца нам пьянит,

Она, как море, бурлит.

Любви волшебной вино

На радость людям дано,

Огнем пылая в крови,

Вино любви.

Вино любви не даром

Нам судьбой дано,

Раз в даже сердце старом

Оно горит пожаром,

И как Пьеро влюбленный

Старичок жене поет:

Пускай проходят века,

Но власть любви велика,

Она сердца нам пьянит,

Она, как море, бурлит.

Любви волшебной вино

На радость людям дано,

Огнем пылая в крови,

Вино любви.

Прохор приглашает танцевать Клаву, Максим — Паню, Валя танцует с Николаем. После небольшой потасовки за право пригласить Лиду танцуют вместе Борис и Володя. Лида пошла в паре с Анатолием.

Все происходит в молчании. Кончилась песня, слышится шипенье пластинки. Пауза. Все рассаживаются за столом.

Шура (спросонья вдруг начинает петь частушку).

Мы с миленочком вдвоем
Прощались на завалинке.
Он сидел, а я пи-пи
Ему на белы валенки.

Раздается смех, в коридоре появляется Тема. Это юноша, который в детстве перенес тяжелую болезнь. Он скован в движениях. Речь ему дается с трудом, поэтому говорит он как бы вытягивая из себя слова.

Прохор. Темка, родной! В гости пришел. За марками? Проходи, садись.

Тема. Здравствуйте.

Паня. Темочка, садись со мной рядом. Клава, дай тарелку. Чего тебе положить?

Прохор. Молодец, что пришел. Толь, налей ему.

Паня. Да нельзя ему водки.

Шура. Бражки дайте, она сладенькая.

Прохор. Вот, Владислав Палыч. Вот кого люблю, так это Темку. Телом немощен, но талант, я тебе скажу! Я за него любому башку оторву. Выпей, Тема, у нас сегодня радость.

Борис. Мы скоро в новый дом переедем, в кирпичный. Не хуже вас жить будем.

Максим. Сказал — «не хуже». У них свой дом, сад, машина, мотоцикл «БМВ»...

Паня. Да, дом — полная чаша. Жить бы и жить. А вот как бывает, единственный сын, и... марки он собирает. Ешь, Тема, ешь, грибков положить, капустки?

Тема. Спасибо. Вкусно. Хорошо у вас. Тепло, весело.

Толя. Да, веселья у нас навалом.

Тема. Не надо переезжать. Здесь вы все вместе. Дружно. А там вы будете одни, затоскуете, как я дома.

Клава. Не то ты, Темочка, говоришь. Мы тоже хотим как люди пожить. Что же ты с Валентины глаз не сводишь? Нравится?

Тема. Да, очень. Она мне сегодня приснилась. Такой странный сон, будто я лечу как птица, с огромной высоты вниз. А внизу красивая церковь стоит, а вокруг нее огромный сад. Вечер, и все синее-синее. И церковь, и сад. Я подлетаю и вижу Валю.

Она одна идет по саду вокруг церкви, как будто кого-то ищет. Я кричу: «Валя, Валя!» Она смотрит на меня, а глаза у нее закрыты, как у слепой. «А, это ты? — говорит. — А где Коля, где Коля?..» Так мне хорошо было, что я проснулся и плакал.

Пауза.

Шура. Церковь увидеть во сне — к тоске, к разочарованию, к терпению. Слепого увидеть — к томительной неизвестности. **Тема.** Валя очень красивая, красивее даже, чем Любовь Орлова.

Валя. Спасибо, Тема, хоть ты оценил. **Прохор.** Губа не дура. Ну еще расскажи нам что-нибудь. Ведь сколько он всего знает, с ума сойти. Не голова, а Дом Советов. А наши ребята все силой меряются. Тема, скажи, к примеру, в каком году Пушкин родился?

Нет, погоди, Володька, ты ответь: в каком году Пушкин родился? **Володя.** Это каждый дурак знает.

Прохор. Нет, ты ответь, в каком?

Володя. В тысяча семьсот девяносто девятом.

Тема. Правильно. В девяносто девятом.

Прохор. А в каком году его этот убил, ну, этот сукин кот, Дантес?

Володя. В тысяча восемьсот тридцать седьмом.

Тема. Правильно. В тридцать седьмом.

Прохор. Ну, Владимир, молодец, сынок, не подвел казачество! За это и выпить не грех. Наливай.

Все выпивают, закусывают.

А теперь, Тема, почитай что-нибудь из своих стихов. Владислав Палыч, он ведь поэт, самый настоящий. Как они в его голове рождаются, откуда все это берется, ума не приложу. Ну так за душу берет! Ну уважь, Тема, почитай нам. Всем тихо сидеть.

Пауза.

Тема. Вот, из последних. Называется «На том берегу».

На том берегу были райские кущи,
Где яблоки рдели на каждом шагу.
На том берегу и хлеба были гуще,
Был лес зеленее на том берегу.
На том берегу,
Как на праздничном блюде,

Зимой голубели цветы на снегу.
 Какие библейски счастливые люди
 Чарующе пели на том берегу!
 Тот берег далекий манящим ви-
 деньем
 Все детство,
 Как солнце, глаза мне слепил.
 И вот, наконец, одолевши теченье,
 Я робко на землю чужую ступил.
 Дремали под соснами избы косые.
 Коровы паслись на прибрежном
 лугу.

Все та же, до боли родная Россия,
 Тянулась без края на том берегу.
 Все те же заботы кругом вековые.
 Задумчиво я оглянулся назад...
 И сердцем прозревшим увидел
 впервые
 Свой берег,
 Прекрасный, как сказочный сад!

Пауза.

*Про хор. Ах, Тема, Тема! Убью я тебя
 когда-нибудь! (Плачет.)*

Действие второе

Сцена первая

Комната Шуры Саловой. Стук в дверь.

Лида. Входите, не заперто!

Входит Володя.

Володя. Здравствуйте. С праздником вас!

Лида. Володька! Какой ты нарядный!
Шура. Ой, я тебя прям не узнала. Рас-
 фуфырился как жених. И костюм у него,
 и рубашка... Ну, фронт! Костюм купили
 или отцовский перелицевали?

Володя. Купили, баб Шур, купили. Мать
 в Москву ездила. Пальто еще там взяла,
 ботинки...

Шура. Чего это они вздумали тебя наря-
 жать, как взрослого?

Володя. А я уже взрослый. На работу
 иду.

Лида. На работу?

Володя. Да, на завод оформляюсь, уче-
 ником.

Лида. А школа?

Володя. В вечернюю перейду... Ваши
 часы не спешат? Сейчас без пяти вроде.

Лида. Ой, посмотрите, и часы у него.
 Настоящие? Ну покажи, покажи. Какие
 красивые! Дай послушать. Тик-так. Тик-
 так. Тик-так.

Володя. У них еще стрелки в темноте
 светятся.

Лида. Здорово! Счастливый ты, Во-
 лодька.

Володя. Да ладно, Лид. Ты в клуб
 идешь?

Лида. Не знаю.

Володя. Пойдем. Там наши ребята бу-
 дут, места займут. Концерт самодеятель-
 ности посмотрим...

Лида. Я не знаю.

Шура. Да чего «не знаю»? Иди, хватит
 книжки-то читать. Глаза портить. И так
 круглая отличница. От этой учебы свих-
 нуться можно. Станешь, как Нюра-дуроч-
 ка, на шоссежку ложиться, машины оста-
 навливать...

Открывается дверь, входит Борис.

Борис. Ну, чего, соседи, в клуб идете?

Лида. Стучаться надо, здороваться.

Борис. Да ты чего, Лид? Я же по-свойски.
 Здравствуй, баб Шур! С праздником!

Шура. Здравствуй-здравствуй, и тебя
 также.

Борис. Новый дом ходили смотреть?

Шура. А как же! Еще вчера любовались.

Борис. А я его сегодня весь облазил.

Шура. Да как же ты в него проник, он
 ведь запертый?

Борис. Там все замки одинаковые. Ключи подобрал — и как на экскурсии: «Проходите налево, проходите направо». А на пятом этаже лестница есть прямо на чердак. На чердаке можно будет голубей держать. А вид с крыши... Лафа! После клуба залезем туда?

Володя. Зачем?

Борис. Эх ты, голова садовая. Салют смотреть!

Володя. Салют-то в Москве будет.

Борис. А Толик Гуцин говорит, что с такой высоты и мы увидим. А ты чего сегодня такой?

Володя. Какой?

Борис. Какой-то не такой.

Лида. Наконец-то заметил. Володя весь новенький.

Борис. Елки-палки, нарисовался-то! Колеса новые, ботиночки со скрипом. Волосы чем прилизал, соплями?

Володя. Ага, твоими.

Борис. Чего?

Володя. Чего слышишь!

Борис. Слышал бы я, да очередь твоя!

Шура. Ну-ну! Петухи! Вы хоть в праздник-то не ссорьтесь.

Борис. А чего он фикстулит? Нарядился,

как цаца. Настоящий мужик в тельняшке должен ходить и с фиксой.

Лида. Глупый ты еще, Борька.

Борис. Да не глупее некоторых. Знаем, перед кем он хвост распушил, знаем.

Лида. Перед кем?

Борис. Знаем, перед кем, не растрепемся. Я ему в коридоре разъясню. Пойдем выйдем?

Володя. Иди, я догоню.

Борис. Я жду. *(Поет.)* А он голубыми глазами на прокурора глядит... *(Выходит.)*

Лида. Володя, вы не вздумайте драться...

Володя. Не волнуйся, Лид. Ты что, Бориса не знаешь... Это тебе. *(Дает Лиде сверток.)*

Лида. Что это?

Володя. Это тебе. *(Уходит.)*

Лида *(разворачивает сверток)*. Духи... «Красная Москва»...

Сцена вторая

Комната Пасечников.

Паня. Проша, может, не пойдем в клуб?

Прохор. Чего так?

Паня. Останемся дома. Чего мы там не видели? Ведь одно и то же: концерт и танцы.

Прохор. Вот и потанцуем, вспомним молодость.

Паня. А я и так все помню, без танцев.

Прохор. А вот без танцев ты и не вспомнишь. Где мы с тобой познакомились?

Паня. На танцах.

Прохор. Вот видишь, на танцах! А как?

Паня. Как все. Ты пригласил меня танцевать, вот и познакомились.

Прохор. А вот и не так. Подхожу я к тебе, приглашаю на танец, а ты мне как врежешь по скуле...

Паня. За что?

Прохор. И я спросил: за что? А сам красный стою как рак. Знаю за что.

Паня. За что?

Прохор. Правда не помнишь? Мы с ребятами перед танцами взяли махорки и насыпали на пол. Начали девчата вальсировать, а махорка им под юбки — раз и давай щекотать. Смотрим, одна девчонка

шмыг в туалет, вторая, третья. Тут мы в лежку легли...

Паня. У, бесстыжие!

Прохор. Ага, Пань. Вот Володьку ругаю, а как вспомню, чего сам вытворял... Он передо мной — агнец божий.

Паня. Да уж, хватила я с тобой горюшка.

Сели, обнявшись. Пауза.

Прош, тебе новый дом нравится?

Прохор. Нравится, нравится.

Паня. А мне очень! Особенно окна. Высокие, светлые... Я сплю и вижу, как мы в него переедем. А ордера скоро выписывать будут?

Прохор. Раз дом приняли, значит, скоро.

Паня. Прош, а что мы из мебели с собой возьмем?

Прохор. Из мебели? Печку!

Паня. Да ну тебя, я серьезно...

Прохор. Ну, если серьезно... то кровать.

Паня. Ну вот, опять ты за свое... Я мечтаю шифоньер купить, с зеркалом, круглый стол раздвижной, диван...

Прохор. А на диване я лежу в пижаме с газетой как фон барон: «Паня, приготовьте мне гоголь-моголь, пожалуйста».

Паня. Неужели это все будет?

Прохор. Будет. Куда денется.

Пауза.

Эх, Паня, ты бы видела, как в Германии немец жил. И чего ему было мало?

Пауза.

Паня. Сколько лет прошло. Прош, скажи честно. Ты ни с какой немкой не жил?

Прохор. Честно, не довелось.

Паня. А с нашей медсестрой там или связисткой?..

Прохор. В связи со связисткой не состоял.

Паня. Не верю я. Чтобы ты, живчик такой, четыре года и ни-ни... Ни за что не верю.

Прохор. Даже если б и было, ни за что бы не рассказал.

Паня. Почему?

Прохор. Военная тайна.

Пауза.

Паня. Я тебя все равно прощаю.

Прохор. Это почему?

Паня. Люблю я тебя, Проша. Очень люблю.

Прохор. И я тебя. Очень.

Пауза.

Паня. Почему мы никогда не говорим об этом?

Пауза.

Прохор. Да некогда нам. То воюем с кем-нибудь, то за что-нибудь боремся.

Пауза.

Паня. Тихо сегодня в бараке. Будто и не праздник вовсе.

Прохор. Затаились все. Новоселья ждут. Вот тогда свое возьмут.

Паня. Время летит. Мы когда про дом узнали, в апреле? А уже ноябрь. Подморозило. Подложи в печку дров, что-то зябко мне.

Прохор (*подкладывая дрова в печку*). Да, лето пролетело, а тепла не видали. И так всю жизнь. То еще холодно, то уже холодно...

Сцена третья

Комната Гущина. Стук в дверь.

Толя. Входите.

Лида. Можно? С праздником!

Толя. Входи, Лида, входи.

Лида. Я книгу тебе принесла...

Толя. Книгу? Какую книгу? А, книгу...

Лида. Я брала почитать. Вот, прочла... Спасибо.

Толя. На здоровье, Лида. Понравилась?

Лида. Да, очень... Можно я у тебя посижу?

Толя. Конечно, садись.

Лида. Нет, лучше я похожу по комнате...

Толя, а почему ты книги даешь, где только про любовь пишут?

Толя. Что же мне тебе, про войну давать? Ты сама выбираешь.

Пауза.

Лида. Ой, Володька смешной такой! Мне сегодня духи подарил.

Толя. Что же здесь смешного? Мужает парень.

Лида. Какой он парень, он мальчишка еще.

Толя. Тебе видней.

Лида. Да, мне видней.

Пауза.

Ты спал, я тебя разбудила?

Толя. Нет, не спал. Лежал просто, думал.

Лида. О ком?

Толя. О ком? О братьях, о сестрах, обо всем...

Лида. А где они?

Толя. Кто где.

Лида. А почему вы не вместе?

Толя. Так получилось.

Лида. А родители у тебя живы?

Пауза.

Толя. Не знаю...

Лида. Как — не знаешь? Они что, бросили вас?

Толя. Нет, они просто исчезли.

Лида. А разве могут люди исчезнуть?

Толя. Как видишь, могут.

Лида. Это во время войны было?

Толя. Нет, раньше.

Лида. И ты о них ничего не знаешь?

Толя. Ничего. Почти ничего.

Лида. И я о своих почти ничего. Письма только пишут. «Живы-здоровы, Лида, слушайся бабушку, учись хорошо». Вот и все.

Толя. Разве это ничего? Разве это мало?

Это много, это очень много.

Лида. Толя, а ты раньше где жил: в городе или в деревне?

Толя. В городе. В маленьком тихом городке.

Пауза.

Лида. А как звали ту девушку?

Толя. Какую?

Лида. Ну, ту... которую ты... ну, про которую ты рассказывал.

Пауза.

Толя. Лида.

Лида. Лида? Как меня?!

Толя. Как тебя.

Лида. А я на нее похожа?

Толя. Нет, вы разные.

Лида. Она лучше была меня?..

Толя. Нет, она просто была другая...

Пауза.

Лида. Толя, а зачем ты нас обманул, что работал этим... ну, на машине такой.

Толя. Золотариком? Почему обманул?

Лида. Ты не мог там работать. Там не такие люди работают, я знаю.

Толя. И такие работают. Разные... Во вре-

мя войны наш городок в оккупации был. А после войны нас на хорошую работу не брали. Вот и пошел. Недолго, правда, я там...

Пауза.

Лида. Толя, давай я у тебя уберусь. Книжки протру. Полы вымою, пустые бутылки отнесу.

Толя. Не надо, Лида. Пусть так все останется. До нового дома. Там все по-другому будет.

Лида. Толя, можно мне тебе что-то сказать?

Толя. Можно.

Лида. Не пей больше, не надо.

Пауза.

Толя. Хорошо, Лида, не буду. При тебе не буду.

Лида. А без меня?

Толя. Без тебя — не знаю.

Пауза.

Лида. Ты в клуб пойдешь?

Толя. Нет, я в гости иду.

Лида. К Зое Бариновой? К ней?

Пауза.

Толя. Лида, ты только не обижайся, пожалуйста. Не приходи больше ко мне. Одна не приходи...

Пауза.

Лида. Приду! Обязательно приду! Ты... Я имею право! Ты... Ты мой сосед! А духи я Володьке верну... (*Убегает.*)

Сцена четвертая

Комната Гороховых.

Максим. Борь, а Борь? Чего случилось-то? Ну не молчи. Чего случилось?

Борис. Ничего. С чего ты взял?

Максим. Что мы, слепые, не видим, что ты не в себе. Чего натворил-то? Скажи, не бойся. Я бить не буду.

Борис. Попробуй только ударь.

Максим. Да ты не ерепенься. Ответь, что произошло? Ведь просто так ты книгу читать не будешь. Подрался с кем?

Борис. А с кем мне тут драться, я здесь всем шею сверну.

Клава. Ну ладно. Герой. А чего в клуб не идешь?

Борис. Бескозырки нет.

Клава. Какой бескозырки?

Борис. «Какой», «какой»! Обыкновенной. Тельняшка есть, а бескозырки нет.

Клава. Ты разве моряк?

Борис. А раз не моряк, чего же я так одет?

Клава. Вот ты о чем! Володька на работу идет, его и одели.

Борис. Ну что, что на работу? Мы же одногодки...

Максим. Правильно, Борис. Чем ты хуже Володьки? Вот что, Клава. В воскресенье поедем с Борисом в Москву и все ему купим. Весь гардероб.

Пауза.

Клава. Максим?

Максим. Я сказал — весь гардероб. И часы.

Борис. Часы? Мне?

Максим. Тебе, Борька, тебе. И велосипед.

Борис. Велосипед? Взрослый?

Максим. Нет, детский.

Борис. И велосипед мне?

Максим. Нет, мать кататься будет.

Клава. Максим?

Максим. Все. Я сказал: и велосипед. Все деньги фуганем. И еще в «Метрополь» зайдем, пообедаем.

Борис. В ресторан?!

Максим. В ресторан.

Борис. А нас пустят?

Максим. А кто нас остановит? Мы что, негры? Мы тоже белые. Мать-то твоя была, и мы сходим.

Клава. Да я шутила, Максим.

Максим. А я шутить не люблю.

Борис. Мам, что это с ним?

Клава. Максим, тебе плохо?

Максим. Мне хорошо, Клава. Мне давно так хорошо не было. В новый дом переедем, первым делом радиоприемник купим. Весь мир будем слушать.

Клава. Где же мы денег столько возьмем?

Максим. Не хватит — займем. Заработаем и отдадим.

Пауза.

Клава. Прости меня, Максим, я думала... Я не знала, что думать. Ты так изменился! Рычишь все время. Что ни сделаю, все не так. На Бориса зверем смотришь. Думаю, чем я тебе не угодила. Опустилась наверное, хожу как замарашка. Каждую копейку считаю. Противна я тебе стала. Ты в ночь дежурить идешь, а я за тобой крадусь, за кустами прячусь. Вдруг свернешь куда, вдруг к зазнобе какой?.. Я тог-

да на себя руки наложу или тебе мышьяка подсыплю. Вот ведь какие мысли, Максим. Прости меня, Максим, ради Бога прости. Я изменюсь. Я прическу себе сделаю, маникюр, платье новое носить стану. Чего его жалеть! Мне ведь еще и сорока нет. Мы еще проживем! Прости только, Максим. **Максим.** Это ты меня прости, Клава. И ты, Борис, прости. Ты думаешь, я всю жизнь таким был? Нет, Борис, это война меня покалечила. А после войны у меня туберкулез открылся, думал — все, кранты... Спасибо матери твоей, подобрала меня. Собачьим жиром, молоком обхаживала, в общем, спасла... А тебя, Борис, я давно усыновить хотел. Да Клава не дала. Я ведь как рассуждал. Ты отца своего не помнишь, а я тебя воспитал. Ну что за фамилия у тебя такая — Горохов. Мелкая вроде. Вот Корнеев — звучит, и от меня корень пойдет. Нет, мать права оказалась. Видно, сильно любила отца твоего, Сергея. Может, и сейчас любит... А меня жалеет. И фамилия его должна жить, как память. Я ведь тоже мог пропасть без вести, за просто...

Борис. А почему ты о войне никогда не рассказывал?

Максим. Если правду о ней говорить, то время еще не пришло. А если так, ля-ля разводите, то не стоит. Стыдно перед убитыми будет.

Борис. А здорово мы немцам дали?

Максим. Здорово, Борис, здорово. Знать бы только, какой ценой?!

Пауза.

А почему ты, Борис, меня никак не называешь? Когда ты маленьким был, ты меня дядей Макэсэм звал.

Борис. Я не знаю.

Максим. Ты уже парнем стал. Зови меня просто Максимом, как товарища.

Борис. Хорошо.

Максим. Что хорошо?

Борис. Хорошо, Максим. Все хорошо!

Сцена пятая

Комната Носковых.

Владислав Павлович. Как все-таки это все странно!

Нина Дмитриевна. Что странно?

Владислав Павлович. Всё! Мы! Этот переезд. Общая радость по этому поводу, в том числе и моя. Странно!

Нина Дмитриевна. Что странного в этом? Люди жили в бараке столько лет, мучились, теперь переезжают в новый дом со всеми условиями и радуются. Что же здесь странного?

Владислав Павлович. Странно то, что я радуюсь. Я чужой здесь всем человек, даже тебе, и я радуюсь. У меня отобрали все: музыку, семью, дом, запихнули в этот убогий клуб, заставили играть всякую чепуху, и я радуюсь. Я приживал, нужен тебе только для того, чтобы было кому показывать этот альбом, и я радуюсь! Вот ты говоришь: люди жили в бараках. А не задумалась ты о том, что ведь кто-то эти бараки построил и заселил их. Чтобы люди в них мучились. А если бы людей загнали в пещеры, что, и там бы жили, влюблялись, рожали, надеялись? Это не странно? И так же бы радовались, когда бы их стали переселять в бараки?

Нина Дмитриевна. Ведь это естественно.

Владислав Павлович. Нет, это противоестественно. Разрушать храмы, а строить бараки, это естественно?

Нина Дмитриевна. Ты рассуждаешь как буржуа. Была революция, потом гражданская война, Отечественная. Людей разметало по всей России. Им надо было дать пристанище, и скорее. Стали строить бараки. Теперь вот дома. Все просто.

Владислав Павлович. А потом будем восстанавливать храмы.

Нина Дмитриевна. Может быть, не знаю.

Владислав Павлович. Будем, в этом и парадокс. Тогда зачем эти муки?

Нина Дмитриевна. Это не парадокс, это классовая борьба.

Владислав Павлович. Ниночка! Оставь, пожалуйста, эту терминологию, мы старые люди... Вот ты говоришь, что я рассуждаю как буржуа. Так ли это?

Вот из моего личного опыта. Я сын мещанина, юношей приехал в Москву. Поступил учиться в консерваторию. Жил скромно, снимал комнату, питался в дешевых трактирах и так далее. К богатству я относился как к данности. Я знал: есть люди богатые и бедные, чтобы разбогатеть, надо иметь талант, много трудиться и тому подобное. Если конечно, ты не получил это в наследство. Но я никогда не испытывал чувства зависти или вражды к более обеспеченным. Шли годы, я был даровит, пришел первый успех, переехал в хорошую гостиницу, стал питаться в ресторанах, прилично одеваться. Потом встретил Соню. Мы поженились. И по настоянию ее отца я переехал к ним. Отец Сони, крупный инженер-железнодорожник, снимал вместе с семьей целый этаж в небольшом особняке. Восемь комнат: огромная гостиная, кабинет, спальни, детская комната, комната для прислуги... В общем, все как полагается.

Нина Дмитриевна. Как полагается у буржуа.

Владислав Павлович. У тебя, Ниночка, психология нищего. Это нормально! Так должна жить большая семья. Вы к этому еще придете. «Буржуа»! При чем здесь буржуа? Я остался таким же, внутренне таким же. Я никого не угнетал, не эксплуатировал. Меня интересовал только рояль. Я работал! Так же, как Алексей Иваныч, отец Сони.

Нина Дмитриевна. А как же прислуга?

Владислав Павлович. Полина? Она была любимицей в семье, родным человеком...

Нина Дмитриевна. Какая идеалистическая картина!

Владислав Павлович. Не иронизируй, пожалуйста.

Нина Дмитриевна. И что же дальше?

Владислав Павлович. А дальше!.. Пришла революция. Что может быть дальше?!

Нина Дмитриевна. И какой же вывод из этой истории, рассказанной с таким пафосом?

Владислав Павлович. Вывод?

Вывод очень простой. Человек консервативен. Никакая революция его не изменит. Если человек деспот по природе, он им и останется. Если он глуп, ленив и зол, то никакая революция не сделает его умным, работающим и добрым. Силой нельзя сделать человека красивым и свободным. Эволюция возможна, да и то все это весьма проблематично!

Нина Дмитриевна. Bravo, bravo, Владислав Палыч! Вы настоящий контрреволюционер!

Владислав Павлович. Какой я контрреволюционер, мамочка?! Я просто буржуй недорезанный.

Нина Дмитриевна. И как вы уцелели в нашей буче, боевой, кипучей...

Владислав Павлович. Сам удивляюсь... Несколько лет назад я посетил наш дом. Он теперь коммунальный. В моей квартире живут сорок три жильца,

и, как ты понимаешь, Ниночка, все безумно счастливы.

Пауза.

Нина Дмитриевна. А теперь послушай, я тебе скажу, дочь пролетария. Ты прожил долгую жизнь и ничего в ней не понял. Точней сказать, ты ее промузицировал. Как музыкант, знаешь, что самое главное в музыке гармония. Так и в жизни. Люди ищут гармонию. Пусть долго, трудно, ошибаясь, но ищут. А все что ты рассказал о себе, это, в сущности, так, банальная история. *(Пауза.)* И все эти Сони, Полины... Где-то я уже слышала... Ужинать будем?

Владислав Павлович. Воздержусь.

Нина Дмитриевна. «Воздержусь». Милый мой, старый буржуй, кто же тебя накормит, если не пролетариат?! Пожарить котлет?

Сцена шестая

Коридор. С улицы раздаются крики, брань, шум борьбы. Анатолий силой заталкивает Николая в коридор. Николай окровавлен, в разорванном пальто.

Толя *(кричит).* Прохор, Максим, да помогите же!

Николай *(борется с Толей, пытается вырваться на улицу).* Уйди, не трогай меня! Пусти! Я их все равно убью!

Толя. Ты что, приди в себя! В тюрьму сядешь! Ты и так дел наделал!

Николай. Мне все равно! Мне все равно! Они не должны жить... Они не должны жить!.. Пусти!

Постепенно в коридор выходят все жители барака, кроме ребят.

Толя. Прохор! Помоги! Максим, неси веревку, свяжем его...

Паня. Коля! Что с тобой? Кто тебя так?

Толя. Молчи, Паня! Не спрашивай!

Клава. Да что случилось? Подрался, избили?

Толя. Хуже, Клава, хуже. Вату несите, йод, кровь остановить надо.

Шура. Господи, да кто ж его так?

Толя. Да никто. Сам он поранился.

Прохор. Да что случилось-то?

Толя. Проша, Проша, потом.

Николай. Что потом? Что потом? Сейчас, сейчас! Все расскажи, всем расскажи! Пустите меня!

Прохор *(борясь с Николаем).* Да никуда я тебя не пущу.

Николай. Пустите! Пустите! Еще как пустите! Я их все равно найду! Не держите меня!

Толя. Да нету их, нету, уехали. Ребят в коридор не пускайте.

Шура. Да нет их. Они в клуб ушли.

Толя. Это хорошо, что ребят нет.

Николай *(обмяк).* Это хорошо. Это хорошо... что детей нет.

Паня. Толя, а кто уехал-то, кто? Из-за чего весь сыр-бор?

Толя. Валентина с хахалем из Москвы. Застал их Николай в машине...

Шура. Господи, позор-то какой!

Максим. Где он их прищучил?

Толя. За сараями. У девятнадцатого барака. Видно, следил за ними.

Николай. Да, за сараями, у девятнадцатого расположились. Думали, темно, не замечу... Курва.

Максим. Вот паскуда, вот паскуда...
(*Толя.*) Ты там как оказался?

Толя. Мимо проходил, слышу — бабы голосят. Подбегаю, а там народу полно. Мужики спокойно стоят, созерцают. А Николай машину дрыном охаживает, двери-то заперты.

Клава. А где он дрыну-то взял?

Толя. Да из забора, наверно, вырвал, не носил же с собой.

Шура. Не покалечил он их?

Толя. Да нет! Стекла только побил, да двери помял. Сам вот осколками поранился.

Николай. Не покалечил?

Толя. Нет, успокойся.

Николай. Жаль!

Толя. Радуйся, а то бы впаяли тебе.

Николай. Радоваться? Мне? Давай! Давай радоваться. Ой, какая у меня радость! Я жену свою застал с любовником. Да не с кем-нибудь, а с москвичом. Да не в кустах каких-нибудь, а в машине. Ой, какая у меня радость!

Нина Дмитриевна. Дайте ему валериановых капель, это истерика.

Николай. Ой, какая у меня радость!

Прохор. Принесите воды.

Паня уходит за водой.

Клава (*внося стул*). Садись, Коля.
Николая усаживают.

Николай. Я бы сел, сел с удовольствием, лишь бы только их убить...
Ненавижу...

Клава. Не стоит твоя Валентина того, чтобы руки о нее марать.

Шура. Ой, Николаша! Таких Валентин у тебя еще сотня будет, ты парень молодой, красивый, все еще наладится. Мы еще тебе такую невесту сосватаем, только держись.

Паня приносит валериановых капель, воды, дает Николаю.

Николай. Такой не найдете. Такой, как Валя, второй нет.

Клава. Это уж точно.

Николай. Вы ее не знаете. Она для вас Валька — Лебедина, вот и все. А для

меня... Для меня она тоже все. Только наоборот. Понимаете, наоборот. Люблю я ее. Это я виноват. Валя, Валя! Прости меня. Не уберег, не уберег я тебя.

Прохор. Вот размазня, противно смотреть.

Николай. Она права, она права. Так нельзя больше жить, нельзя... Ну, где этот ваш новый дом? Где? Нет его, нет! Никуда мы не переедем. Никуда. Здесь будем гнить. А она не захотела. Она отчаялась. Валя еще днем узнала от Волкова, что никуда мы отсюда не переедем, никуда. Девятнадцатый барак переселят, а мы, мы...

Пауза.

Максим. Будь она проклята, твоя Валя!
(*Уходит.*)

Паня (*пауза*). Чего-то я сделать хотела?!

Шура. Господи, за что ты нас так?!

Клава. А где ребята, ребята-то где? А, в клуб пошли.

Максим выносит бурки и ставит их рядом с Прохором.

Прохор. Не понял?

Максим. Носи! Ты выиграл.

Прохор (*молча снимает тапки и надевает бурки*). Вот так!

Николай (*пауза*). Я знаю, что делать! Где керосин, керосин где? Так, одевайтесь и уходите. Я знаю, что делать. Надо барак сжечь. Я сожгу, а вас переселят. Только договоримся: вы ничего не знаете. Ничего. Это все я. Вы ничего не знаете. Я за все отвечу! Мне теперь все равно. Мне в тюрьме даже лучше будет. Уходите, уходите скорей! Где керосин, где керосин?

Шура. Господи, что с ним?!

Николай. Я виноват, я виноват.

Пауза.

Прохор. Я знаю, кто виноват.

Входит Тема, его не замечают.

Тема. Здравствуйте.

Его не слышат.

Прохор. Я знаю, кто виноват. Гуцин! Это он нам эту новость сообщил. Чего молчишь, не помнишь? Это ты первый вякнул! «Новый дом. Переселяют. Сколь-

ко можно так жить?!» Мы жили себе как люди и знать не знали. Это ты перевернул все, заставил поверить. Это ты нам эту заразу принес. *(Надвигается на Анатолия, следом за ним Максим.)* Ты за нее и ответишь.

Владислав Павлович. Пойдем, Ниночка, это картина не для нас. Тут сейчас твои братья по классу такое сотворят...

Нина Дмитриевна. Пошел вон, приживал.

Владислав Павлович уходит. Прохор и Максим подходят к Анатолию. Но им перекрывает путь Тема.

Тема. Не надо, дядя Проша, не надо, дядя Максим. Нельзя бить Толю, никого нельзя бить.

Прохор. Ты-то как здесь оказался?! Юродивый! Чего лезешь не в свое дело! Твое дело бумагу марать. Интеллигент сраный. Уйди с дороги, а то и до тебя доберемся. *(Отбрасывает Тему.)*

Паня. Проша!

Клава. Максим!

Шура. Опомнитесь, люди! Креста на вас нет!

Нина Дмитриевна. Не смей! Я кому сказала, не смей!

Толя. Я их не боюсь. Я никого не боюсь! Я и сейчас скажу: сколько можно так жить! Я и сейчас верю! Переедем! Построим новый дом и переедем.

Прохор. В могилу ты переедешь!

Прохор и Максим сбивают Анатолия с ног, бьют. Кричат женщины.

Сцена седьмая

Крыша пятиэтажного дома, ночное небо.

Борис. Сколько на твоих натикало?

Володя. Ровно, сейчас начнется.

Пауза.

Лида. Как темно!

Борис. Ура! Вижу, вижу! Салют вижу.

Володя. Где?

Лида. Где?

Борис. Вон туда смотрите! Вон огоньки мерцают. Красные, там, далеко, зеленые, синие!

Володя. И с той стороны тоже! Смотрите, смотрите! Ура! Ура!

Борис. Толя правду сказал. Надо подняться выше. Салют! Ура!

Лида. Володя! Борис! Я не вижу, где?

Володя. Смотри вперед! Ура!

Лида. Я не вижу, мальчики. Я боюсь, я боюсь высоты. Мне почему-то страшно. Мне кажется, что у нас дома беда, мальчики.

Борис. Ура!

Володя. Ура!

Лида. Господи, я боюсь высоты! Я боюсь, господи!

*Живой в помощи Вышняго,
в крове Бога Небесного водворится
речет Господеви:
Заступник мой еси и прибежище мое,
Бог мой, и уповаю на Него...*

Занавес